

АЛЛА ЛАЗАРЕВА

БЫК
и бабочка

Алла Лазарева

Бык и бабочка

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18633909
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;
ISBN 978-1-387-70643-3*

Аннотация

Этот психологический роман-трилогия построен по принципу знаменитой триады Гегеля – «тезис-антитезис-синтез». В романе «Бык и бабочка» читателю предстоит еще раз убедиться, как нелегко порой людям искусства почувствовать грань между игрой и жизнью и как необходимо сделать это, чтобы игра, перешедшая в жизнь, не убила ее, а жизнь, поднявшись на сцену, не помешала игре.

Содержание

ПОСЛЕ ЛЮБВИ

5

Конец ознакомительного фрагмента.

35

Алла Лазарева

Бык и бабочка

*«Отшельник, ты идешь сам к себе! Твой путь
ведет тебя за пределы тебя и семи твоих дьяволов».
Фридрих Ницше «Так говорил Заратустра».*

(роман в трех частях)

ПОСЛЕ ЛЮБВИ

(часть первая)

1

Сорок мужчин, обутых в восемьдесят кирзовых сапог, шагают на месте. Восемьдесят кирзовых сапог, их которых торчат сорок мужчин, отбивают на сцене сердечный ритм ее сердца. Сердца, которое бьется в груди грузной и почти неряшливо одетой женщины, сидящей в пятом ряду и щелкающей семечки. Ее зовут Ева и ей сорок пять лет. Она не очень хорошо выглядит, потому что она не спала и плохо себя чувствует. Под ногтями у Евы остается траурная каемочка от черных семечек, а подносом на верхней губе пробиваются черные усики, потому что у Евы что-то не так с мужскими гормонами. Их слишком много, наверное, потому что у Евы мужской характер. Но это ее не волнует, ее больше волнует то, как мужчины на сцене выполняют возложенную на их ноги и плечи миссию.

У Евы рак груди, она об этом узнала совсем недавно. Сама Ева довольно спокойно относится к своей болезни. Она о ней не говорит, делая ее несуществующей для тех, кто ее окружает и отчасти для самой себя. Ей даже кажется, что осо-

знание скорого собственного конца пойдет на пользу искусству, которым она занимается, потому что она будет ставить спектакль как в последний раз. Ева долго была без работы, поэтому энергия таланта переводилась в болезнь. И теперь искусство не способно излечить ее, но зато теперь она способна искусству отдать то, чего не могла дать раньше.

– Епвашумать, – нежно произносит Ева, – дорогие мои мужчины, топайте, как подобает настоящим бруталам. Хочу больше страсти, больше энергии! Больше секса, товарищи, больше секса! Что вы сопли жуετε, как сосунки? Понастойчивей, товарищи, не расслабляемся, – говорит она, даже не глядя на них и выплевывая шелуху от семечек на газетку вчерашней давности, расстеленную на ее коленях. – Дайте мне больше огня, а то тут только пока один дым. – Все говорят, что у меня голос, как у мужика, – пускается Ева в пространные очень свойственные ей рассуждения. – Какая это красота, – улыбается она. – Я бы, может, даже хотела, чтобы у меня все было, как у мужика. Например, член. Но, видимо, у всевышнего я заслужила только голос, – смеется она хриплым смехом над своей шуткой.

Все уже привыкли к подобным острогам. У Евы низкий прокуренный голос, такой еще называют – голос из спальни. Голос у нее такой, потому что раньше она очень много курила. Но теперь она, в связи со своей болезнью, не курит, она заменила курение шелканьем семечек, шелуху от которых оставляет повсюду. Ева бросила курить, чтобы иметь воз-

возможность завершить спектакль и посмотреть, как его примут зрители. Она для этого хочет прожить подольше. Это для нее очень важно. Она бросила курить не ради своего здоровья, а ради театральной постановки, которую непременно должна завершить и показать зрителям.

Ева – лучший театральный режиссер провинциального города К*, и ей можно все. Ей можно щелкать в театре семечки и сплевывать шелуху на газету. Ей можно мусорить и материться где угодно и когда угодно, потому что она умеет творить. Она умеет создавать на сцене что-то феерическое и запоминающееся. Ева имеет способность создавать театральное действо, восходящее к искусству. А это очень нравится руководству театра, которое должно показать свой спектакль в Москве на фестивале и этим обеспечить себе дополнительное финансирование. Это спектакль, который создает Ева, должен стать визитной карточкой города и проложить дорогу к новому финансированию и более высокому статусу их рядового театра.

Ева еще не придумала, о чем будет спектакль, она пока еще только думает. И думает Ева, щелкая семечки. Раньше она безбожно курила и много пила, но когда ей предложили работу, она бросила и то, и другое, и перешла на семечки. Ева еще десять лет назад жила в Санкт-Петербурге со своим мужем Игорем, тоже театральным режиссером, но что-то между ними расстроилось, и Ева переехала в город К*, где она родилась. А муж стал очень известным театраль-

ным режиссером. Никто не знал, почему они разошлись после пятнадцати лет совместной жизни, Ева об этом не любила рассказывать. Но она бережно хранила память о нем в своем сердце и мысленно общалась с ним. Ева отказывалась сотрудничать со всеми театрами, сколько ей не предлагали. Но когда ей сказали, что в Москве она будет соревноваться как режиссер с бывшим мужем, она согласилась. До этого времени Ева влачила жалкое существование на гонорары от нескольких снятых около пятнадцати лет назад фильмов, и ей хватало.

– Искусство начинается с ненависти, – говорит Ева с иронией, подсевшему к ней Павлу, продолжая щелкать семечки. – Это я, моя душа, предвосхищаю твой вопрос о том, почему я так матерюсь на актерский состав и почему сижу у кислой миной, – говорит она Павлу.

Ева предпочитает иронизировать, чтобы спрятаться от мира, чтобы быть не неуязвимой для тех, кто ее хочет задеть за живое. Павел – это давний приятель Евы, ему уже пятьдесят лет. Когда-то он был влюблен в Еву, но это было очень давно, когда ей не было еще восемнадцати лет. Периодически он к ней приезжает, потому что до сих пор не может забыть ее. Но и он, и она понимают, что между ними ничего не может быть.

– А я ничего и спрашивал, – отвечает Павел, смотря на сцену. – Ты уже решила, о чем будет спектакль?

– Нет, – говорит Ева, продолжая щелкать семечки. – Пока

я еще не придумала. – Но я уже успела помахать «интеллектуальным фаллосом» перед носами руководства театра, поэтому мне можно думать столько, сколько мне влезет.

– Ты думаешь под семечки? – улыбаясь, спрашивает Павел.

– Да, это единственный способ безнаказанно плевать, глядя на сцену.

– А почему ты бросила курить и перешла на семечки? – спрашивает Павел.

– В моем возрасте курить уже нецелесообразно, курить надо молодым, чтобы сократить себе жизнь. А мне я чувую, что мне и так недолго осталось, – смеется Ева. – Да, – переходит она на более серьезный тон, – я бросила пить и курить, и по большей части есть, но, надеюсь, ненадолго. Мое тело оказалось не создано для искусства. Душа создана для искусства, а тело не создано, такая вот фигня получилась. Я беру из своего серебряного портсигара сигарету и, прикурив ее, начинаю задыхаться. Видимо, двадцать лет непрерывного курения сделали свое дело. Наливаю в бокал хорошего красного вина и, выпивая, я понимаю, что скоро наступит отрыжка. Отрыжка или изжога. Часто они приходят ко мне вдвоем. Желудок и легкие отказывают мне в праве наслаждаться искусством курения и наблюдать за тающими в воздухе кольцами дыма. Я даже не могу больше опьянеть безнаказанно. Поэтому теперь для меня остаются только семечки и пустота. Здоровые и молодые скоро вытеснят меня с моего режис-

серского кресла, из моей чудо-квартиры и с этой необъятной планеты. Хорошо, я завернула, правда? – улыбается Ева.

– Очень жизнеутверждающе, – отвечает Павел.

Ему грустно слушать иронию Евы над самой собой и смотреть в ее изъеденное усталостью лицо, ведь когда-то она была красавицей, и многие наперебой ухаживали за ней, включая его. Но сердце Евы билось исключительно для искусства, поэтому она уехала в Санкт-Петербург «учиться на режиссера». А потом она связалась со своим однокурсником, с которым они прожили душа в душу около пятнадцати лет, детей у них не было, потому что у них была страсть к искусству. Десять лет назад Ева вернулась в свой провинциальный городок. Она вернулась совсем другой, она была все еще хороша, но в глазах бывшего огня уже не было. Ева стала много пить и за десять лет она из цветущей женщины превратилась в обрюзгшую бабу, которая начинала день с шампанского и заканчивала красным вином. Ева спивалась, и с этим ничего нельзя было поделать. Она набрала больше двадцати килограммов лишнего веса, волосы ее поседели и поредели, это было очень заметно. Поначалу она не хотела работать, сколько ей не предлагали. Павел сам приезжал к ней в гости, но она уже не такой – что-то сломалось в ней, она стремительно шла ко дну, и ей не нужно было, чтобы ее спасали.

– Самой нравится, – улыбается Ева. – Талант, как говорится, не пропьешь, хотя с этим можно поспорить. Как, кстати,

твои делишки? Как жена, любовница? А то сидишь тут такой в сером костюмчике, респектабельный до чертиков. Особенно это бьет по глазам в нашем клоповнике. А я не люблю, когда меня бьет по глазам.

Ева под клоповником имеет в виду этот театр, который называется «Ветер». До него здесь был хозяйственный магазин, потом его переделали в кафе, а потом только сделали театром. Но это Еве не мешает заниматься искусством, ее это забавляет.

– Жена хорошо, дети тоже. Большие уже. А любовницы у меня никогда не было, ты же знаешь.

– Товарищи, больше драйва! Если вы так будете шагать, то зрители могут подумать, что наш «Ветер» дует из зада лошади! – кричит Ева шагающим на сцене мужчинам-актерам. Ева не любит говорить о семьях, о детях, ведь ей уже сорок пять, и детей у нее нет. Раньше она считала, что режиссер не имеет право заводить детей, поэтому она их и не завела. – Жаль, что любовницы нет, – слегка поворачивает Ева голову к Павлу. – Тебе давно пора гормон гасить в объятьях свежих красоток, а то его скоро не останется. Ни одного. И на старости лет ничего будет вспомнить. Ничего, жена потерпит, не она первая, не она последняя. Кстати, как тебе мои мнущие сцену дни, браво ногу кладут? – хохочет она немного искусственно.

– Это дни?

– Да, это дни. Это дни в кирзовых сапогах, и они идут.

Дальше я пока не придумала, но обязательно придумаю. А ты посмотри, посмотри, как они идут! Скоро и твои дни пройдут, а ты так и не успеешь урвать у жизни хоть какую-нибудь даже самую занюханную захудалую любовницу.

Павел смотрит на Еву, нещадно щелкающую семечки, и он не понимает, как она так может насмехаться над его чувствами. Ведь он любит ее уже больше двух с половиной десятков лет.

– Я, пожалуй, пойду, – говорит Павел.

Он знает, что когда он будет уходить, Ева даже не наградит его взглядом. И это правда.

– Еще раз повторяю, – кричит Ева случайно зашедшему в зал администратору, – мне ни к чему здесь кривоногие особи, которых с дальнего ряда от баб без детального рассмотрения не отличишь! Неужели всем городе не найдется сорок нормальных мужиков с размером ноги не меньше сорок четвертого? Если нет, то ищите их хоть по всей стране! Где ты мне этих сотрясателей яиц надыбал? Мне нужно, чтоб от их шагов тряслись не их яйца, а вся Вселенная!

Ева встает, забыв убрать газету с колен, и шлейф из шелухи от семечек остается за нею. Но она даже не обращает на это внимания. Потому что это не царское дело. Ева часто употребляет это выражение, периодически заменяя его на – не твое собачье дело. Поэтому все то, что у нее не царское дело, получается собачьим. Ева во всех предпочитает сталкивать полярности, потому это порождает в ней урага-

ны противоречий, энергией которых она питается. Ева – человек страстей, оставивших на ее внешности свой глубокий след. Спокойно жить Ева не может. Спокойствие для нее – это пытка.

– Все, мальчики, свободны! – говорит Ева актерам на сцене. – Господь явно погорячился, создав вас мужчинами.

Ева сегодня не в духе, и она от долгого сидения прихрамывает. Еве хочет курить, но ей нельзя. Когда Ева чем-то огорчена или не в настроении, ее боятся все. Она не стесняется в выражениях. Ева вообще не любит стесняться, потому что это мешает ей вытеснять из театра ненужных людей и жить так, как ей нравится.

2

– А потом будет сказка, новые возможности, новая жизнь, новый театр и карьера, и можно играть и играть, до одуренья играть! – говорит Элона, театрально падая с закинутой над головою рукой на застеленную розовым покрывалом кровать. – Главное уехать отсюда, уехать отсюда, где у нас с тобой нет никакого будущего, – улыбаясь, продолжает говорить Илона, устремив свои горящие стальным блеском глаза в потолок. – Москва, мой милый Жан, Москва создана для того, чтобы мечты сбывались. Москва – это место, где сбываются все мечты! Москва, это даже лучше, чем рай, потому что в раю нет секса. А в Москве все пронизано сексом и

жаждой жизни, там все заряжено, как электричеством, жаждой жизни и творчества.

Жан и Элона любовники и ровесники, которым уже минуло двадцать три весны. Они живут вместе уже второй год. Но они не простые любовники, а те, которые хотят в будущем узаконить свои отношения. Жан – профессиональный инженер, а Элона профессиональная актриса. Элона очень хочет, чтобы Жан уехал с ней в Москву, поэтому она хочет пристроить его в тот театр, где она работает. Она думает, что они вместе с театром могут уехать вместе вначале на гастроли, а потом там смогут закрепиться, остаться. Она рассчитывает, что его возьмут в массовку. Единственное, что смущает Элону, это то, что Жан темнокожий, а темнокожего пристроить в театр, как ей кажется, гораздо труднее. Потому что для него предусмотрена всего одна роль – роль Отелло. Элона очень красивая блондинка с очень светлой кожей, она – надменная высокая гордая, а Жан темный и невысокий. Вместе они представляют из себя очень интересную пару, как черное и белое, но это только внешне красиво выглядит, потому что внутри этой пары полный разлад. Они как противоположные стороны дуальности хотят друг друга, но не могут быть вместе.

– Да меня и быль устаивает, что мне это сказка, – недовольно отвечает Жан.

Жан не хочет никуда переезжать и тем более становится актером, потому что его и так все устраивает. Он скептиче-

ски смотрит на планы Элони. Его привлекает сейчас больше не мысли о Москве или театре, а ее гладкая красивая подмышка, в которую, как ему кажется, можно посадить цыпленка.

– Только подумай, Жан, сколько возможностей может дать нам столица! В столице ведь совсем другие люди, они – продвинутые. С твоим цветом кожи это нам будет как нельзя кстати. К тому дети, которые у нас родятся лет этак через дцать, наверняка они тоже будут черненькими, как ты, негритятами. Им гораздо лучше будет в Москве, чем здесь в этой дыре, где все друг друга знают. По крайней мере, в Москве их не станут дразнить черножопыми, их скорее будут называть афрозадами, – смеется Элона. – Культура. Столица. Там, где Москва, там культура и столица. Да и я, грешная, перестану играть эти все дебильные роли второго плана и сыграю уже что-нибудь настоящее, за что не стыдно.

На самом деле Элоне ни за что не стыдно, потому что у нее отсутствует это чувство. И роли, которые ей достаются в театре, не такие уж и незначительные, как она говорит. И играет она гораздо больше, чем многие актрисы в этом театре. Но Элона любит прибедняться. Она никогда не скажет, что у нее все хорошо, потому что она никогда не удостоит мир такой чести, как быть ей приятным. Она всегда будет уличать свою жизнь в неполноценности, и видеть черный цвет даже там, где его нет. Ей доставляет почти физическое удовольствие порассуждать, как все плохо, усиливая несовершенства сво-

ей судьбы и всего мира в целом. Она таким способом как будто бы пытается удовлетворить свою потребность в агрессии к миру, где ее, как ей кажется, недооценили. Внешнее она холодная и даже сдержанная, а внутри – воинствующая и агрессивная.

Жан настолько привык к этому, что уже не особенно реагирует на высказывания Элоны. Он хочет верить в то, что она не злая, а только прикидывается злой, потому что ему так легче существовать.

– Ну что ты так смотришь на меня и ничего не говоришь? – спрашивает Элона, смотря на Жана, который сидит на стуле, обняв его за спинку. – Как будто я со стенками разговариваю.

– А что мне сказать? – отвечает вопросом на вопрос Жан. – Мне кажется, что ты уже все решила за нас обоих. Ты решила, что мы будем жить, как идиоты, в Москве, потому что если не жить в Москве, то лучше вообще не жить.

– Ну почему же, как идиоты? Ты, по всей вероятности, как идиот там и будешь жить, ты, собственно говоря, и здесь так живешь. А я буду жить, как королева! – улыбается Элона. – Очень хорошо, Жан, очень хорошо, что ты понимаешь, кто в доме хозяин, – продолжает Элона немножко надменно, тайно радуясь своей власти над Жаном. Круговорот подмышки затягивает Жана. Но Элона опускает поднятую руку так, что Жану, физически становится тесно и темно. – И ты ведь знаешь, сколько я натерпелась из-за тебя. Ты ведь не такой,

как все, – произносит Элона, имея в виду цвет кожи Жана. – Чего стоили одни разговоры с родителями. Поэтому ты мне должен за моральный ущерб.

Элона очень часто говорит Жану о том, какая она смелая, что встречается с ним, ведь он «не такой, как все», потому что Жан – темнокожий. Жану это не нравится. Ему не нравится, что она постоянно указывает ему на то, что он особенный и на то, что она «очень много испытала из-за него». Жан иногда даже забывает о том, что он «не такой, как все», потому что все уже давным-давно привыкли к его цвету кожи, но с завидной регулярностью Элона напоминает ему об этом. Жан не знает, что Элоне нравится встречаться с чернокожим мужчиной, потому что это делает ее в глазах многих «не такой, как все» и делает более заметной, особенной, выделяющейся на фоне всех остальных.

Жану жаль, что Элона опустила руку, и что он больше не может созерцать ее красивую подмышку, в которую он хотел бы спрятаться или уткнуться в нее носом. Это подмышка напоминает ему колыбель, содержащую в себе мудрость материнского чрева. После того, как Элона опустила руку, Жану волей-неволей пришлось спуститься с небес на грешную землю. Раньше Жан отказывался переезжать в Москву, потому что он не мог оставить бабушку, которая его воспитала. Но недавно бабушка умерла, поэтому Жан больше не находит существенных аргументов, чтобы отвечать Элоне отказом. Но в Москву Элона собирается через участие в спектак-

ле, который ставит Ева. Элона уверена, что ее в этом спектакле увидят и обязательно заметят и куда-нибудь пригласят. Но Элоне и этого мало, она еще хочет, чтобы Жана приняли в массовку, ведь это позволить не тратить деньги на его проживание в Москве, когда они поедут туда со спектаклем.

– Окей, что нужно делать? – мычит себе под нос Жан. – Когда у вас там пробы в массовке? – устало спрашивает он, даже не глядя на Элону.

Элона взвизгивает от счастья и, резко поднявшись с кровати, бежит к Жану, чтобы обнять его. Такой порыв чувств немного сбивает с толку Жана. Жан не понимает, где она настоящая, а где она играет. Потому что если несколько минут назад она была высокомерная и надменная, а сейчас ведет себя, как простая озорная девчонка. Жан не знает, но почему-то ему хочется думать, что когда она ведет себя, как озорная девчонка, она настоящая, а все остальное – это просто образ, роль, которую она умело играет.

– Ну, наконец-то, ты согласился! – изображая счастье на своем лице, произносит Элона. – Вот увидишь, эта жаба возьмет тебя, – говорит быстро Элона, имея в виду Еву. – Я попрошу за тебя, и она возьмет тебя в массовку! Там как раз такие и требуются, как ты. Такие тихие, – Элона целует Жана в голову, – такие никакие, – Элона целует Жана в шею, – и чтобы они могли слиться с толпой, – Элона звучно целует Жана в ухо, Жан недовольно морщится. – Блин, – вдруг как будто бы осеняет Элону, – если тебя не возьмут из-за цвета

кожи, то я намажу тебя своим тонаком или побелкой и погоню опять.

Жан морщится, но уже не от поцелуя в ухо, ему кажется, что про «погоню опять» она серьезно.

3

Ева открывает первый ящик комода и смотрит в содержимое ящика. У нее просто уже сложилась традиция – перед тем, как пойти в душ, она открывает первый ящик комода и смотрит в него. Ева открывает этот ящик, как открывают ящик в морге, чтобы проверить на месте ли мертвецы, которые раньше заставляли ее сердце биться чаще. Но Ева так отрывает не только этот ящик комода, иногда она так открывает и свою душу, чтобы посмотреть, на месте ли те воспоминания, которые еще недавно составляли часть ее жизни. И они всегда оказываются на месте, потому что они не вытесняются новыми. Ева намеренно не хочет брать от жизни новые ощущения, чтобы не выместить при их помощи старые. Обычно Ева ничего не берет с собой в душ, никакого белья, потому что все белье, что лежит в этом ящике ей мало. Оно очень дорогое, и оно мало ей. Она не надевала его уже почти десять лет, оно лежит в комоде с тех самых пор, как она переехала сюда из Петербурга.

После первого ящика она открывает второй ящик комода и берет из него, уже не глядя, какое-то белье. Это белье недо-

рогое, оно больших размеров, чаще всего хлопковое. Ева не любит белый цвет, потому что на его фоне она чувствует себя очень грязной и старой. Поэтому во втором ящике комода лежит белье самых разных оттенков розового и голубого. Она кидает его на кровать, чтобы надеть после душа.

В душе Ева открывает кран, и холодная вода льется на ее тело. Сорокапятилетняя Ева вздрагивает от холода, но она терпит, не произнося ни звука. Хотя, если бы она стала произносить звуки, ее бы все равно никто не услышал, потому что Ева живет одна. Ева понимает, что она должна проснуться. После холодной воды она включает горячую. Контрастный душ должен помочь ей прийти в форму и немного восстановить ее нервную систему, которая уже давным-давно пришла в негодность из-за раздираемой противоречиями внутренней жизни Евы.

Ева считает себя режиссером старой советской закалки, поэтому она понимает, что без дисциплины вообще ничего не будет. И Еве теперь нужна эта дисциплина, режим дня и отказ от вредных привычек, чтобы взять тайм-аут перед неминуемым концом жизни. Раньше, когда она не работала, а этот период растянулся на целых десять лет, она вставала только после полудня, но сейчас ей нужно придерживаться установленных правил. Ей нужно вставать в шесть утра, чтобы потом ехать в театр и быть способной думать над постановкой.

Ева переключает горячую воду на холодную, и ей стано-

вится хорошо, а потом снова холодную на горячую. Но ей становится хорошо ненадолго, потому что, находясь в тепле, Ева начинает думать о том, как она выглядит сейчас в данный момент времени. А выглядит Ева не совсем хорошо. Точнее, она выглядит ужасно. Ева очень рада, что в ее ванной комнате нет зеркал, потому что они бы сделали ее существование здесь невыносимым. Ева смотрит на свои ноги, она понимает, что ее обвисшая от времени грудь, даст ей рассмотреть их в полном объеме. Ноги Евы ничем не примечательны, они такие же, как практически у любой возрастной женщины. Вены на них немного вздуты, потому что вены не выдерживают ее горячую кровь. Но не они привлекают внимание Евы, она часто обращает внимание на свои ногти на ногах. Ева улыбается, потому что она вспоминает, как она говорила в детстве, то это не просто ногти, а окошечки, из которых непременно когда-нибудь выглянут ангелы. Ева любила всегда что-то придумывать и сейчас любит. Ева смотрит на свои ногти, принадлежащие пальцам двух ног, она смотрит на все десять ногтей, ожидая, что из этих ногтевых окошечек выглянут ангелы. Это странно, ведь с момента этой придумки прошло уже больше сорока лет, а Ева до сих пор их ждет... Потому как не смотря ни на что Ева не научилась верить в чудо. Ева не имеет права не верить в чудо, потому что она режиссер, и не какой-нибудь, а театральный. Театральные режиссеры обязательно должны верить в чудо, это у них профессиональное. Если она не будет верить в чу-

до, то его не произойдет. А на сцене чудо – это явление обязательное, без которого обойтись нельзя. Ева выключает воду, отряхивается, почти как собака после дождя, и руки, на которых видны вставшие дыбом волосы, покрываются крупными мурашками.

Ева не любит вытираться после душа полотенцем, поэтому она ждет, пока она вода с нее стечет сама, и она подсохнет. Поэтому, выйдя после ванной, она оставляет за собой мокрые следы. Чувствуя, как тонкие струйки воды стекают по ее спине, Ева наливает себе чай, который она предпочитает чрезмерно крепкий и без сахара. Чаще всего Ева кладет себе в чашку сразу два пакетика, но только лишь потому, что она считает, что умирать одному пакетик в кружке как-то скучновато. Ева представляет себя этим чайным пакетиком, который просто необходимо окунуть в театральное действие, ибо искусство требует жертв.

Иногда, перед тем, как высушить волосы и надеть белье, Ева думает, а не смотрит ли на нее кто-то в окно. Ее бы совсем не смутило, даже если бы смотрели. Ей даже в какой-то степени было бы приятно осознавать, что мучения от созерцания ее изъеденного временем тела, получает не только одна она. Ева так долго жила одна, что она научилась занимать себя интересными мыслями, чтобы не сойти с ума. И одними из самых интересных мыслей Ева считает мысли о времени, которое совершает тысячи действий над человеком, как будто ставит над ним эксперименты. Ева знает, что у време-

ни есть два стиля общения человеком: в первом случае, оно неоднократно пинает под зад вероломно, а во втором – вежливо или, по крайней мере, в щадящем режиме.

Ева садится на стул, чтобы выпить чай и смотрит вниз. Седые волосы у нее есть везде, потому что время все не щадит тело. Но Ева не хочет соглашаться с наступающей на ее горло и другие части тела со старостью, Ева по-прежнему верит в чудо. Потому она не может, не имеет право в него не верить, ведь в ближайшие три с половиной месяца ей придется создавать это чудо на сцене, точнее создавать ему все условия, чтобы оно случилось, произошло. Ева делает глоток из чашки, и черный чай оказывается в ее сорока пятилетнем теле. Она как будто видит, как этот чай плюхается коричневенькой водичкой на ее не долеченную язву желудка и перемешивается с желудочным соком. Она знает, что душа ее не подведет и выдаст ей все, что нужно для творчества, а вот в теле она не уверена, а вот от тела она ждет в любую минуту подлянку. Но все же Ева надеется, что и оно ее не подведет. По крайней мере, в ближайшие три с половиной месяца. А что будет потом, Еве не важно. Она не загадывает так надолго. Главное – поставить спектакль, а потом будь что будет.

4

– А что я ей скажу? – спрашивает Жан, который явно не в духе.

У Жана взъерошенные волосы и заспанное лицо. Ему не нравится сама мысль, что он будет проситься в театр, в котором он и не хочет работать. На самом деле Жан надеется, что его в этот театр не возьмут. Он почти уверен в этом.

– Не знаю, милый. Скажешь, что жить не можешь без театра, бредишь сценой, скажешь, что согласен работать в массовке с утра до вечера. Главное, покажи ей свои ноги. Ноги – это твой входной билет в массовку. Ты бы видел, как эта жаба вчера вырядилась, вся в мехах. Меха на плечах и под носом у нее тоже меха, – смеется Элона. – Понять не могу, за что ее так все любят. Лично я ее терпеть не могу. Противная старая мерзкая жаба. Как подумаю, что тебе придется перед ней унижаться, то мне даже не по себе становится. Но цель, как говорится, оправдывает средства. Ладно, садись есть, – Элона наливает в тарелку жидкую кашу и ставит ее на стол.

– Что это? – спрашивает Жан, глядя на кашу.

Жан избегает разговоров о театре. Ему это все неприятно. Его вполне устраивает работа учителем математики в школе. Кроме того, Жан учится заочно в аспирантуре и собирается стать кандидатом технических наук.

– Ты что не видишь? Это овсяная каша. А что ты хочешь, кашу из божьих коровок, которых перед этим не подоили? – усмехается Элона.

– Да нет, – печально говорит он. – Но просто уже третий день подряд мы едим овсяную кашу. Это ж рехнуться можно.

– Ну не знаю. Кому-то, может, можно и рехнуться, а те-

бе Жанчик необходимо потерять пару килограммчиков, а то с твоей наглой ряхи жир свисает. Так что ешь. К тому же, не могу же я нам отдельно готовить. У меня мало времени, мне нужно работать над собой, заниматься, развивать пластику. Так что ешь. Ешь, Жанчик, ешь овсяночку. Ну или не ешь. Мне без разницы. Не забывай, что мне уготована главная роль в спектакле, и я должна предстать перед публикой во всей своей красе, – любуясь собой в зеркале, произносит Элона.

Зеркало – это любимый предмет Элоны, и она всегда любит себя, когда ей представляется такая возможность. Она бы всю жизнь любовалась только собой, потому что только так можно сделать, чтобы ею любовались другие.

– Мдя-я, – протягивает Жан. – С виду это напоминает мне еду, которая уже не раз проходила через кишечник, – произносит уныло Жан, думая, что эта мутная и тягучая каша похожа на его жизнь, потому что и то и другое – болото, которым он сыт по горло.

– Ты знаешь, что я думаю, когда смотрю на нашу жабу, – говорит с улыбкой Элона. – Я думаю, что она такая нервная, потому что ее никто не ебет. Сдается мне, что эта дама очень охоча до молодых мальчиков. Если это так, то она может положить на тебя глаз, и ты сможешь пробиться в массовку через постель. Я уже взрослая девочка, поэтому понимаю, что, в общем, это нормально. Поэтому один раз я тебе разрешаю. Закрой глаза, и подумай об Африке, – смеется Элона.

Жан бросает ложку и выходит из комнаты.

– Ну Жан, ну куда ты, я ж пошутила! – кричит она ему в след.

Но на самом деле Элона не шутила, она во что бы то ни стало хочет выбраться из этого города в Москву, поэтому рассматривает все возможные варианты. Элоне уже двадцать три года, и она понимала, что время ее молодости неумолимо уходит, ведь нельзя же быть вечно молодой и красивой.

Элона знает, что хоть Жан и вспылил, но он никуда не денется от нее, он обязательно вернется, потому что он не может ее не любить. Он уже уходил не раз и каждый раз возвращался. Она об этом не беспокоится, гораздо страшней для нее, что сейчас ей придется теперь самой проглотить пять полных ложек овсяной каши, сваренной на воде. Иногда у Элоны возникает рвотный рефлекс, как только она чувствует запах этой каши. Но Элона терпит, она будет есть ее через силу, потому что она должна быть молода и свежа, а без овсянки идеальной кожи трудно добиться. Она хочет держать себя в форме, поэтому готова есть ее через силу, с трудом сдерживая рвотный рефлекс. Обычно Элона говорит себе во имя чего она ест эту кашу, ведь чтобы проглотить ее нужен стимул. Перед тем, как она начнет есть, Элона настраивается около десяти минут на то, чтобы съесть эту кашу.

Элона сует ложку в рот, а потом быстро глотает кашу.

– За то, чтобы у меня была такая внешность, о которой только можно мечтать, – произносит Элона вслух. Обычно

она не уточняет, о чем конкретно она мечтает, потому что конкретикой Элона боится сузить спектр своих желаний, а соответственно и спектр их исполнений.

– За то, чтобы у меня была своя квартира в Москве, – глотает Элона вторую ложку.

– За то, чтобы в меня влюблялись мужчины, самые богатые и самые лучшие. И за то, что у меня все получилось, – произносит Элона и слышит, как пришел Жан.

Элона никогда не ест ложку за маму и за папу, как обычно учили ее в детстве. Она считает, что уже слишком повзрослела с тех пор, чтобы сейчас думать о других. Она думает о себе, и в приоритете у нее не близкие люди, а успех, признание, слава.

Жан пришел не с пустыми руками. Он в магазине, который находится прямо под их домом, купил чипсы и кока-колу. Элона не понимает, как можно есть эту дрянь, но ей тоже хочется именно такой дряни. Поэтому когда она увидела, что у Жана в руках, то у нее сразу случился приступ раздражения. С одной стороны она не понимает, как можно быть таким пофигистом и так наплевательски относиться и есть вредную пищу, а с другой – понимает, что только такая пища доставляет ей удовольствие. Но она не ест ее, боясь, что это помешает ее успеху и славу, которую она напрямую связывает со своей внешностью. Плохая внешность – плохая судьба, а хорошая внешность – судьба благополучная.

– Ты такой же, как эта кока-кола, – недовольно произносит она, не пытаясь скрыть своего раздражения. – Таких слишком много, – говорит с вызовом она Жану, усевшемуся перед телевизором. – Нельзя быть таким нецелеустремленным, когда рядом с тобой такая женщина, как я. Место рядом со мной, Жан, еще нужно заслужить. А когда у тебя в жилах течет кока-кола, это сделать довольно трудно, – с трудом глотает Элона последнюю пятую ложку каши, совершенно забывая снабдить ее пожеланием, потому что нарисовавшееся на лице Жана счастье мешает ей сосредоточиться. Она с ужасом думает, что он сейчас будет хрустеть картофельными чипсами и получать от этого удовольствие. Ей даже хочется надеть тарелку с остатками каши ему на голову.

5

Ева кладет трубку на голову старого бежевого телефонного аппарата и испытывает облегчение. Она испытывает это облегчение в три с половиной часа утра. Она звонила своей помощнице Леночке, которая в любое время дня и ночи должна сидеть на телефоне и ждать от нее звонка. Ведь самые неожиданные мысли по поводу спектакля могут прийти в голову Евы в любое время дня и ночи, поэтому Леночка должна быть наготове, чтобы все это записать и обеспечить мыслям Евы материальное воплощение.

У Евы бессонница, и она не может заснуть. Она знает, что

она уже не уснет, поэтому она, одетая в ночную сорочку и с взлохмаченными от сна волосами, идет на кухню есть семечки. Теперь до утра она будет мерить время горстями подсолнечных семечек. Даже многие соседи заметили, что в окнах Евы очень часто по ночам горит свет, потому что Ева не спит. Ева сидит за столом и ест семечки. Ее голова пуста, потому что она только что освободила ее мыслей, навеянных долгими размышлениями от ее снов.

Еве приснилась она сама. Она увидела себя во сне, только она была гораздо моложе своих лет. Ей было около двадцати, и она была молода и стройна. Ее кто-то во сне попросил назвать имя, и она сказала: «Ева», а потом этот самый кто-то, которого она не видела, попросил назвать отчество, и она почему-то ответила: «Пустота». Этот сон передавал страхи Ева, которые она сама не осознавала. И эти страхи вырвались наружу из подсознания. Ева все время боялась этой пустоты и чувствовала с ней кровную связь, как будто она является ее дочерью, ее порождением. Именно поэтому Ева боялась быть счастливой, потому что счастье опустошает, счастье заглушает гул мироздания, который можно получить только вместе со страданием. Ева сама себя приговорила страдать, потому что только через страдание она могла что-то дать искусству и что-то взять от него, и как ни странно в этом она и свое сложное счастье и даже больше – цель жизни.

Во сне Ева видела себя в вечернем ярко красном с огром-

ным шлейфом платье. Ева видела себя со стороны, как будто она актриса. Она взбегала по лестнице и все время оборачивалась, кому-то улыбаясь. Ева чувствовала себя оболстительной. Ева любила свое лицо. До гормональных изменений, произошедших в ее организме, ее лицо считалось очень милым, почти красивым. Сама же Ева считала его прекрасным, потому что в молодости ей был очень свойственен нарциссизм. Она с рождения знала, что здесь, на планете Земля ей уготована особая участь. Только поначалу она не знала, какая именно. Но с возрастом Ева стала понимать, что именно профессия режиссера дает ей ту власть, которую она хотела. Власть над миром своих иллюзий.

Уже начиная понемногу отходить от сна, в голове Евы уже крутилась мысль, что нужно позвонить Леночке, и сказать ей, что у них в спектакле одной из главных героинь будет женщина в красном платье, женщина-призрак, символизирующая большую любовь. И еще Ева думала, что нужно заказать винтовую лестницу, которая во время спектакля будет стоять на сцене.

Ева весь окружающий мир воспринимала сквозь призму эстетики. Она искала вдохновение и находила его везде, в том числе в своих снах. Ева любила спать, но только потому что она работала даже во сне. Сон был для нее рабочим процессом. Ева знала, что умная мысль или хороший образ может прийти в любой момент. Вдохновение может прийти, когда она будет ходить по магазину, жарить себе яичницу,

спать или вспоминать события давно минувших дней. Ева это знала, но именно вспоминать она боялась больше всего, потому что она могла страдать не из-за того, что с ней произошло в жизни, а из-за того, чего в ее жизни не было. Вместе с воспоминаниями приходило осознание того. Что многое жизни она упустила, может быть, упустила саму жизнь. Упущенные возможности тиранили ее душу. Ева отчетливо осознавала, что она недолюбила, не состоялась как мать и была плохой дочерью. Она упустила эти возможности.

Ева поворачивает голову и смотрит на часы. Часто смотря на часы, Ева особенно остро ощущает, что времени остается все меньше и меньше. Раньше, она торопила его, а сейчас ей хочется остановить его, чтобы почувствовать прелесть ускользающей жизни. Но его невозможно остановить в жизни, его можно остановить только в спектакле. А в жизни оно тикает, тикает, тикает. Секунды Еве напоминают семечки, которые она нещадно грызет зубами. Однажды, когда Ева была маленькой девочкой, она подставила стул и отломала стрелки часов, которые висели у них в гостиной. Но несмотря на это, время продолжало идти, и это стало первым знаменательным открытием в ее жизни. Стрелок нет. А они все равно тикают, время все равно неумолимо идет вперед. Думая о времени, Ева не может думать о спектакле. Поэтому она отключает время в своей голове и вообще часто голову отключает. Она давно заметила, что с отключенной головой легче работается. Потому что начинает думать душа. Голова

и время часто мешает душе жить в полную силу.

Ева придумала женщину-призрака в красном платье, а еще в спектакле одна из главных ролей принадлежит сорока мужчинам, которые олицетворяют собой сорок дней после смерти любви. Ева пока не придумала, как это все совместить, но она точно знает, что видение картины в целом придет к ней чуть попозже. И, щелкая семечки, она уже чувствует, как озаренье идет. У Евы не возникает сомнений, что спектакль будет готов точно в срок. Он как будто сам создается, а она только помогает ему родиться на свет. Как повивальная бабка при родах.

Больше всего Ева любит раннее утро, которое наступает около пяти часов утра. Это волшебное время для Евы. Обычно в это время она, если не спит, подходит к окну, чтобы как рядовой офицер отдать честь новому дню, возникающему у нее глазах. Ева служит каждому дню своей жизни, которые она посвящает искусству. И ее жизнь ею самой измеряется не в годах, которые она прожила, а в спектаклях, которые она создавала.

6

– Если я завтра приду, и здесь еще не будет заделана эта дыра, то я буду очень злиться, – говорит Ева голосом, звенящим энергией недовольства. Ева показывает рукой на пол, пробитый рабочими, устанавливающими винтовую лестницу.

ду на сцене. – Я, конечно, понимаю, что сцена у нас женского рода, но не до такой же степени, чтобы у нее были такие ярко выраженные половые щели. Это, господа, уже называется порнография. А мы тут занимаемся искусством, и только иногда порнографией. Так что когда я завтра приду, чтобы ее здесь не было. Она меня сбивает с ритма мыслительной деятельности, – приподняв бровь, говорит она.

Ева вообще пошло шутит и часто смеется, как мужик, над своими шутками. Она может зайти на сцену раскинутыми в стороны руками и сказать: «Ну, кто еще хочет попробовать комиссарского тела!». Это шутка, у нее все шутки такие, и все смеются над ними, ведь это же Ева. Она может запросто подойти к какой-нибудь молодой актрисе с хорошими формами и, заглянув в ее ложбинку, спросить: «Ну и почему нынче килограмм грудей?». Ей все прощается, но близко к себе Ева не подпускает, простые смертные всегда должны знать дистанцию и ее соблюдать, они должны знать то, что обычно выражается в словах: «Где ты, а где я». Это может быть выражено и в таких речевых оборотах: «Адмирал Нахимов» и маленькая моторная лодочка, Мать-Земля и пыль на подоконнике, Королева и ее подданные, а также другими сравнениями, подчеркивающими ее значимость. Она, разумеется, всегда первое, а все остальные – второе, которое может меняться в зависимости от ее настроения. Но даже несмотря на это ее все любят, потому что монарх строг, но справедлив.

Рабочие знают, что у Евы блестящий матерный русский,

поэтому они догадываются, что их ждет, если дыра не будет заделана вовремя. Но на самом деле Еве наплевать на эту дыру, которая возникла только недавно. Еве хочется просто что-то сказать, послушать свой голос, самовыразиться. Она чувствует в себе желание поговорить, и чтобы ее при этом слушали. Она хочет сыграть роль строптивой и исполненной гнева женщины, и она себе дает эту роль. Она себе это позволяет. Если бы не было этой дыры, Ева нашла бы к чему ей придаться. В крайнем случае, она сама бы сделала эту дыру, а потом долго допытывалась о том, кто ее сотворил.

– Ева Александровна, я хотела обсудить с вами кандидатуру моего знакомого, который хочет попробовать свои силы в массовке, – произносит Элона, дождавшаяся пока Ева немного притихнет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.